

Юрий Козырев - военный фотограф журналов "Тайм" и «Русский репортер», последние 20 лет освещает крупнейшие конфликты (Абхазия, Нагорный Карабах, Таджикистан, Чечня, Афганистан, Беслан, Ирак). Лауреат премии World Press Photo (4 раза), призер множества престижных международных конкурсов фотографии. В 2006 году признан лучшим военным фоторепортером мира (премия «Infinity» International Center of Photography).

- Что для тебя Чечня?

- Чечня для меня очень важная тема, большой вызов. В первую Чечню я сделал много профессиональных ошибок - где-то не дотянул, где-то не остался. Когда началась вторая Чечня, я к ней бы готов. Ее символом, на мой взгляд, стал этот разбитый нефтяной контейнер, по которому идет морпех.

- А это реальный бой?

- Да, это та ситуация, когда можно говорить, что я – военный репортер. Был бой. Было 10 морпехов. Нас атаковали. Трех ранили. Слава Богу, все остались живы, но для меня это стало хорошим уроком. На войне есть простые правила. Надо быть, прежде всего, честным. Страшно, когда кто ранен из-за того, что ты хотел куда-то добраться. Я хотел, чтобы ребята довели меня до линии фронта. Командир возражал: «Сегодня лучше этого не делать - очень опасно». Я настаивал. Не думаю, что был честен, когда говорил это. Просто хотел быть там. Событие? Нет, война (под Центероом шли бои между чеченскими повстанцами и наши морпехами). Меня повезли, хотя предупредили...

В нашей профессии много внутренних правил. Одно из них – ничего не проси. Вот как оно есть, так пусть и идет. Не надо провоцировать, заставлять что-нибудь сделать. От этого зависит - выжить или не выжить кому-то. Начинаешь просить больше, жизнь наказывает.

- Это вторая Чечня? (на снимке «Добро пожаловать в ад! Часть II. СОБР. Иркутск мы вернулись!» В углу плиты замечаю надпись красным кирпичом – «Томск»)

- Да, Грозный - город мертвых. Эти ребята пришли, чтобы отомстить. Им было очень важно прийти и победить. Они много потеряли в первую Чечню.

А это настоящий цвет (на фото – странное розовое освещение и фантастические руины). Состояние природы, когда бомбили центр города – огонь, пыль цемент, грязь. Для меня это -Сталинград.

Вот солдатик возвращается в часть. Довольный. Чемоданчик явно не пустой. Это «премия», как говорят среди военных, ее можно и домой отвезти – жене, детям. Это война.

Грозный всегда был городом русских. Они остались и больше всех пострадали. Кто мог, уехал. А русским порой надо дойти от дома к дому и не погибнуть. Православный храм разрушен, разорен, батюшки убиты. Одна эта бабушка осталась среди руин, живет под землей. Да и какая она бабушка, просто пережила страшно много.

Эта фотография тоже имеет историю. Ребенок играл в футбол в Видено. Сверху обстреляли из самолета. Из одиннадцати он один выжил, но ноги потерял. Я его снял. Фотография была опубликована. Нашлись люди добрые, которые захотели ему помочь. Я приехал, чтобы помочь увезти его в Голландию, чтобы сделали ему протезы.

Вообще у меня три таких крестника. Один чеченец, другой иракец, третья - пакистанка. Совершенно замечательные люди. Это уже достаточно, более, чем. Работа делается не для того, чтобы чего-то себе доказать.

- А кто эти женщины у обстрелянной стены?

- Они разыскивали своих родственников, в основном детей. Можно заехать в любое село и найти точно такую же стену. Кто-то погиб, кто-то пропал без вести. Это на любой войне. Это не потому, что Чечня - более жестокая.

Я могу показать серию иракцев, которые тоже ищут своих детей. Я сейчас 5 лет провел в Ираке, и точно могу сказать, набор этот жуткий везде одинаков, если война настоящая: убийства, похищения, изнасилования, мародерства. Выплескивается самое садистское и самое благородное. В любой армии есть негодяи, есть герои. Одни воюют за деньги, другие – за убеждения. Война – и все списывается, все прощается, все разрешается. Это концентрация всего. Ты начинаешь ценить «маленькие» вещи. Если живешь с людьми, которые переживают войну, ты по-настоящему с ними переживаешь радость, что у тебя сегодня есть свет, что привезли свежий хлеб, что ты проснулся, и тебя никто не убил.

Там ценится малое, то, чего здесь не замечаешь. Свет. В Багдаде, в восьмимиллионном городе четыре года нет электричества. Чтобы у тебя был свет, надо приобрести генератор, научиться пользоваться им, найти керосин,

бензин. В городе, где средняя температура 45 градусов, нужна вода. Я иду по Томску - красиво, чисто, удивительно.

- Сложно возвращаться?

- Да, всегда. Я все меньше общаюсь с коллегами. У меня довольно узкий круг друзей. У меня есть очень близкие друзья, которые подсказывают - все, перебор, переключайся, делай что-то другое. Это – звоночек. Если человек проработал 3-4 месяца на войне и возвращается к нормальной жизни, надо помочь. Я не могу сидеть дома, пить чай или что-то покрепче.

Я должен все время снимать. Только в экстремальных ситуациях фотограф наблюдает подлинную человеческую сущность, истинные эмоции. Я сделал сотни, тысячи снимков, запечатлев человеческие страдания, смерть и трагедию войны, но так и не могу различить, кто прав.

- Риск и осторожность. Как они соотносятся в Вашей работе?

- Если война настоящая, и ты пытаешься быть близко к событиям, ты всегда переходишь грань. Интуиция притупляется. Думаешь - все нормально, проскочу, не беда. А это чревато.

Есть у меня кумир фотограф Джим Нахтвей, 30 лет снимал войну. Мы с ним два месяца работали. Я просто видел, как он работал. Это самый осторожный человек, которого я знаю на свете. Он остается джентльменом в любых ситуациях. У Джима была ситуация, когда человека убивали мачетой, просто отрезали ему голову, потому, что знали - рядом фотограф. Он бросил камеру и стал умолять. Убийцы переключились на него, он мог стать жертвой!

Это на интуитивном уровне понимаешь. Драка на рынке или сознательное убийство - это для тебя, потому, что репортеры иногда провоцируют ситуацию. Террористы пиарятся на весь мир.

- Агрессия может быть перенесена и на репортера?

- Да, очень важно чувство дистанции. Если ты ее нарушаешь, происходят серьезные вещи. Если ты снимаешь, тебя должны видеть, должно быть все по-честному, и ты должен пережить горе с этими людьми в этот день. Когда снимаешь опасные вещи, должен понимать, что пули летают и влево и вправо, и ты можешь быть удобной мишенью.

Иракцы перестали относиться ко мне, как к туристу, когда я остался в Багдаде после бомбежки. Очень многие журналисты тогда свалили. Мне тоже звонили, советовали уехать, но я понимал, что эту историю можно освещать только изнутри.

- Насколько опасна жизнь в Ираке?

- Мы недавно переехали. Это уже третий наш дом. В первый бросили гранату (погиб переводчик). Второй – подорвали (двое наших погибли). В третий дом целились две машины с взрывчаткой, но по ошибке подорвали соседние. У нас всегда охрана на крыше. За воротами дежурят два человека, внутри - трое. Отношения вообще очень бандитские: вы нас не трогаете, и мы вас не трогаем.

Ездить по Багдаду тоже опасно. Ты едешь, тебя останавливают, и каждый раз - как игра в рулетку. Ты не знаешь, кто эти люди. Если не остано-

вишься, машину могут расстрелять, если остановишься, можешь попасть в заложники. Выкуп - порядка двух миллионов долларов.

- Каково отношение к журналисту?

- В Ираке журналисты - главная мишень. Там погибло 180 человек. Причин много. 35 лет это была закрытая страна. Журналист всегда человек чужой, извне. Украсть журналиста, неважно какой национальности, значит много денег заработать. Если журналист находится с американцами, правильнее убивать его. Тогда начинается больше суеты! Ведь никто не знает, как на это реагировать.

- Прошло семь лет войны в Ираке. Куда он идет?

- Американцы объявили - мы несем вам демократию! Тогда объясните, что это. Миллион жизней? Разрушенные города? «Русский репортер» пишет, что там, в Ираке, ощущение начала третьей мировой. Это правда. Это непросто война американской армии с террористами. В нее вовлечено очень многое. И главное – поддержка беспорядков со стороны Ирана.

Выбрали президента, но он — курд, и люди его вообще никак не воспринимают. Американцев мало где любят, а уж после оккупации к ним стали относиться совсем недоброжелательно. Зато с Россией давние отношения, «Русия» — это хорошо. В стране много совсем нового оружия, и все оно русское, иногда в масле даже.

Сейчас в Ираке то, что было в Афганистане в 90-е годы — джихад. И ортодоксальные боевики из Афганистана, Чечни, сейчас все в Ираке. Саудовская Аравия отправляет в Ирак своих шахидов. Там очередь из желающих надеть на себя пояс и взорвать американский танк. Очередь!

- Ты видел Саддама?

- Нет, это было невозможно. Но его присутствие ощущалось везде.

Саддам был умен. Он знал, как управлять страной и справляться с соседями. Он был очень серьезный диктатор. Его можно сравнить со Сталиным. Он спас страну, когда были серьезные проблемы, шла война. Он смог справиться, но пострадало много невинных. За него голосовали кровью, не потому, что их заставляли. Они верили в него. Там страх был и любовь. 10 лет они воевали с Ираном. Миллион человек погибли. Нам было все равно. Сейчас тоже погиб миллион. Нам тоже все равно, но то, что там происходит, геноцид!

Ирак находится в необычном месте. Вокруг - Иран, Сирия, Саудовская Аравия, сложный клубок! Сам Ирак подняться не сможет. Вот за два года провели четыре раза выборы: долго голосовали, трубили... В итоге – кошмарная ситуация.. Правительство управляется Ираном, в домах нет света, гибель тысяч людей.

- Ты видел, как брали Хусейна?

- У меня была возможность быть свидетелем этого, Но в тот день были ранены мои приятели, и я помчался в Багдад помогать им. Я оказался у ямы, где он сидел на следующий день. Потом начались долгие ожидания. Казнь видел узкий круг. Он вел себя достойно. Мне кажется, они хотели бы сейчас найти такого человека, как Саддам, воскресить его и посадить на место. Вдруг за последние пять лет стало понятно - то, что он сделал за 35 лет, и за что его осуждали, что это единственная форма управления этой страной. Это геополитическая проблема.

- Как «работают» твои фотографии?

- Я помню Косово, другие войны, и никогда это не было востребовано, и вдруг было принято принципиальное решение, да мы публикуем эти снимки, потому, что это - война, в которой страдают невинные. Маленькому иракцу Али страшно повезло. Он стал иконой начала войны в Ираке. Не то, что американцы зашли туда, свалили памятник, а то, что пострадал мальчик, и ему нужно помочь!

- Чем отличаются войны, на которых Вы были?
 - Войны в Чечне, Афганистане, Ираке - совсем разные, разные задачи, миссии. И то, что происходило во второй Чечне, я понимал. Были причины, иначе осталось бы «черное пятно». Нельзя было поехать на юг - опасно. Не потому, что весь народ этим занимался, занималась группа людей чеченской национальности, плюс русские, которые занимались тем, что воровали людей. Нельзя было терять людей, нельзя было жертвовать людьми. Есть болячка, ее вырезают и все, боль проходит.

Сейчас в Чечне лучше, чем в любом провинциальном городке. Сегодня фотографы спокойно едут из Чечни в Северную Осетию, раньше - только под страхом смерти. И те могли убить, и эти. Надо было проскочить, тайными дорожками заехать. Никогда не ночевали в одном и том же доме...

- Неужели технически сложно было обнаружить боевиков?

- В любой войне много странностей, много слухов. Ирак такой же маленький, как Чечня, но там нет гор. Басаев, Радуев прятались в горах. В Ираке тоже был такой человек, который натворил много бед – аз-Заркава. Он даже не местный, приехал из Иордании, воевал там, сям - взрывал мечети, убивал невинных. Его, наверное, тоже можно найти (у американцев - потрясающие технические возможности), но не находили три года. А мулла Омар или Бен Ладен?!

- Это - Беслан ?

- Да, во время освобождения. Я никогда ничего страшнее в своей жизни не видел. Столько убитых детей. Это был шок. Снимать сложно было. Многие не смогли, бросили свои камеры. Это происходило неосознанно. Я понимал, что мы должны это показать. Это документ преступления. Я свидетель. После Беслана многие перестали снимать войну вообще. Один из лучших военных российских репортеров, Олег Никишин - совершенно бесстрашный человек, снимал там, где никто не снимал - восстание в тюрьме в Мазари-Шарифе, операции с американским спецназом, когда он прятался за трупами. В Беслане, он просто не смог ничего снимать...

Мы очень много помогали. Снял, помог, снял, помог. Никто не ожидал, что рванет...

- Ты часто видишь смерть. Как жить с этим?

- Да, получается, что я много смерти вижу, но это - часть жизни. Многие не хотят обращать на это внимание. Задача – заставить оглянуться, задуматься, что происходит вокруг. Я не смотрю на это как миссию. Я выбрал в журналистике новости. Слава богу, что в России сейчас нет новостей. Вот почему я уехал из России. Клянусь, я рад, что здесь скучно. Это - счастье.

- Что дальше?

- Я не думаю, что у меня будет еще война. У каждого есть свой предел. Не может быть счастья в горе. Может быть счастье от того, что тебе удалось это пройти. Хотя можно было избежать, и никто не осудил. Я мог бы снимать даже в Кремле, зарабатывать больше денег и сохранять нормальные отношения в семье. Это серьезное жертвоприношение. Возможно, когда-нибудь я буду снимать цветы, пейзажи, но пока надо пройти этот этап.

Через два дня Юра улетел в Ирак.

Ольга ПАСЬКО